

УДК 811.512.31'36

**ГЛАСНЫЕ ПЕРВОГО СЛОГА И СОГЛАСНЫЕ
В ПЕРВЫХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ
НА БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ**

© Дамбуева Полина Петровна

ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков,
Институт языкознания Российской академии наук
Россия, 125009, г. Москва, Кисловский переулок, д. 1, стр. 1
E-mail: polina-dambueva@mail.ru

Статья посвящена описанию двух памятников письменности на бурятском языке, написанных кириллицей в конце XIX— начале XX вв.: выявлению диалектной принадлежности текстов, описанию согласных и кратких гласных в тексте в сопоставлении с графемами в прамонгольских формах с привлечением полевых данных по современному тункинскому говору бурятского языка. В аннотируемой работе подробно описываются комбинаторные и позиционные процессы в диалектах бурятского языка, имевшие место на изучаемом этапе, причины их появления, уточняется эволюция бурятских гласных и согласных в аспекте дистрибуции звуков в структуре слова.

В статье будет рассмотрен языковой материал двух кириллических текстов «Учение о святой христианской вере. На наречии северо-байкальских бурят» (1877) и «Книга для чтения в бурятской школе» (1903), опубликованных на рубеже XIX—XX вв.

Ключевые слова: бурятский язык; тункинский говор; краткие гласные; графемы первого слога; рефлексы прамонгольского языка; фонетический анализ.

Текст [Книги для чтения] написан на западно-бурятском диалекте, на что указано в предисловии: «В основу настоящей книги положено тункинское наречие, занимающее середину между северо-байкальскими наречиями и потому понятное сравнительно большому числу бурят» [Книга для чтения 1903: 3] (о тункинском говоре как составной части северо-байкальского наречия наряду с другими западно-бурятскими говорами см. [11, с. 124], о включении смежных тункинского, закаменского, окинского говоров в западный диалект см. [14, с. 173; 2, с. 24] и др.).

Диалектная принадлежность текста [Учение о вере 1877] обозначена на его титульном листе как «северо-байкальское наречие». На непосредственную связь рассматриваемых текстов с тункинским говором западного диалекта косвенно указывает и тот факт, что архиепископ Нил (Исакович), в XIX в. основавший монастырь в Тунке — районе нынешней Бурятии (в настоящее время эта местность так и называется — Нилова Пустынь), известен своими переводами богослужебной литературы, которые он делал с помощью своего ученика Н. Доржиева и др.

Особенности согласных

На месте исторического *-ki в рассматриваемых текстах наблюдаем -x-: хайхираа «позвал» (с.9,10); орхё «оставил» (с. 17), гхархяг «грибы» (с.7), что совпадает с литературным произношением. На месте «t» в показателе предельного деепричастия -tal в «Книге для чтения» употребляется «s»: муно болсор «до сих пор» (с.7), тэнгэриду хүрсэр «до неба» (с.117). (О переходе t > s см. [1, с. 24] — тункинский говор, [13, с.64] — боханский говор, [7, с. 58] — качугский говор, [6, с.21] — эхирит-булагатский говор).

Ярким отличием согласных в «Книге» является употребление с // x // г вместо h: арагха хулаганай ушир — «о том, что ободрали шкуру» (с.16) (в слове хулаганай вместо г должно быть h); то же самое в примерах хэлсэгэрэ «как условились» вместо хэлсэхээрэ (с.13,14), юмэ бэлэдэгэйги «(увидел) приготовление» (с.17) вместо бэлэдэһые; на с.3 по-

палось модальное клише, выражающее крайнюю степень досады: Э, ягха сорган! «букв.: Э, продырявленная кость!». Должно быть: Э, яһаа суурһан! Иногда встречается архаический вариант: хуши ухусэни «(ест) падаль» (с.7) вместо хуушан үхэһые; сугээр «молоком» (с.5) (в вост., лит. хүн, в бох.үһүн «молоко»). Случается замена һ на х: хухая хэлсэ «договорились жить (вместе)» (с.6, 13) вместо һуухая хэлсээ; хамаргха «орехи» (с.7) вместо һамарһа; хэлэхуб «давайте скажу» (с.11) вместо хэлэхүүб; хоргэшэ иргин «вернувшись» (с.4) вместо һөөрэгшөө ерэн. Б.В.Матхеев, описывая употребление х вместо һ в байкало-кударинском говоре западного диалекта, писал, что «появление начального х вместо общебурятского һ», по-видимому, объясняется тем, что этот звук в силу своей позиционной неустойчивости легко подвергся качественным изменениям в результате иноязычного, например, русского, влияния» [5, с.57]. В.И.Рассадин считает иначе: «...переход һ > х невозможно объяснить русским влиянием, так как подобное же явление характерно и для старобаргутского диалекта, который не мог испытывать на себе русско-го влияния. Следовательно, для объяснения этого явления нужно искать другие причины» [9, с.79] (о замещении *q в языке джарутов Внутренней Монголии, х – в языке монголов Северо-западной Халхи см. [Рассадин 1982:79]). Переход һ > х в западных говорах, включая присаянскую ее группу, отмечал Ц.Б.Цыдендамбаев [14, с. 166-167]. Неустойчивость һ в нижеудинском бурятском говоре описана А.А.Дарбеевой [3, с. 51-52].

Вызывает в текстах интерес неравномерный процесс замены *g щелевым среднеязычным j: в подавляющем большинстве случаев наблюдается сохранение *g, а случаи её замены на j очень редки: ильёнэ «посылает» [Учение о вере:13], ирьёбжи «поворачивая» [Книга для чтения:19]. Выразительным примером в данном отношении является в текстах уступительная частица *шиги* (в современном бурятском шье, в потоке речи ши, ш; в х.-монг. ч, в калм. чиги, в письм. монг. *šigi*), которая в «Книге» отличается высокой частотностью употребления: на стр. 4, например, она употреблена трижды, на стр. 11-два раза, на стр.19 – 7 раз. В западно-бурятских говорах в подавляющем большинстве случаев g перед i, (после дрожащих r, l – почти во всех бурятских говорах) перешло в щелевой среднеязычный j независимо от части слова [см. 16, с.23; 7, с.52; 6, с.114]: бур.эрье «берег» - письм. монг. *ergī*, х.-монг. эрэг, калм. эрг. Процесс образования щелевого среднеязычного j вместо комплекса *gi исследователи объясняют ослаблением напряженности артикулирующих органов (в данном случае – их смычки), и процесс этот в западных говорах получил большое распространение [см. 9, с. 128-129]. Замена g на j наблюдается и в аффиксах западно-бурятских говоров: булайе «родник» - в письм. монг. *bulag-i*, х.-монг. булгийг, калм. булгиг.

В связи с изложенным можно высказать предположение о том, что процесс замены *g щелевым среднеязычным j в говорах западного диалекта был очень неравномерным, на момент создания рассматриваемых текстов (1877г. и 1903г.) в тункинском говоре *g перед i продолжал сохраняться главным образом в аккузативе. Судя по орфографии: хуригайги (аккузатив) «ягненка» («Книга для чтения», с.14), малйги «скот» (там же, с.21), шамайги «тебя» («Учение о вере», с.19), g перед i в аффиксах тункинского говора продолжал сохраняться наряду с уже образовавшимся среднеязычным j, из чего можно заключить, что g изначально был слабым, произносился неясно: «Исконный прамонгольский звук *g был...по своей природе двояким, в одних словах он был щелевым, в других – смычным. Когда монгольские языки, в том числе и протобурятские говоры, захватила тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов при произнесении любых звуков, проточный интервокальный *g исчез, растворился, ослабившись, среди соседних гласных, в результате чего образовалась заместительная долгота гласных, а смычный же *g перешел, ослабившись, в проточный» [9, с.106].

Гласные первого слога

1а. Графема а < ПМонг. *а

хамта [Учение о вере 1877: 13], [Книга для чтения 1903: 5] < ПМонг. **kamtu*¹ ‘вместе’ > лит.-бур. *хамта*, х.-монг. *хамт*, калм. *хамт*; *халун* [Учение о вере 1877: 9], *халу* [Книга для чтения 1903: 116] < ПМонг. **kalaun* ‘горячий’ > лит.-бур. *халуун*, х.-монг. *халуун*, калм. *халун*; *нагхан* [Учение о вере 1877: 19] < ПМонг. **nasun* ‘возраст’ > лит.-бур. *нахан*, х.-монг. *нас(ан)*, калм. *наси*; *сагэн* [Книга для чтения 1903: 116] < ПМонг. **čagaan* ‘белый’ > лит.-бур. *сагаан*, х.-монг. *цагаан*, калм. *цахан*.²

1б. Графема а < ПМонг. *i

В современных бурятских диалектах произошел «перелом»: ПМонг. **i*, **i* после исторических ПМонг. **č*, **s* и носовых **m*, **n*, перешли в гласные более заднего ряда в зависимости от гласного второго слога. Такое же развитие представлено и в рассматриваемых книгах, графема *a* может быть рефлексом ПМонг. **i* в позиции перед *авторого слога:

ша́дхà ‘мочь’, *ша́дхàбиб* ‘я могу’ (*би+ша́дха* ‘мочь’+афф. личн. притяж. -б) [Книга для чтения 1903: 2, 12] < ПМонг. **čida* ‘уметь, мочь’ > лит.-бур. *ша́дха*, х.-монг. *ча́дах*, калм. *ча́дх*; *шарама́л алта́н* ‘раззолоченый’ [Книга для чтения 1903: 4] < ПМонг. **sira* ‘жёлтый’ > лит.-бур. *шара*, х.-монг. *шар*, калм. *шар*; *ша́гна* [Учение о вере 1877: 13] < ПМонг. **čigla* ‘слушать’ > лит.-бур. *ша́гна-*, х.-монг. *ша́гнах*, калм. *чи́нх*.

1с. Графема я < ПМонг. *ya

яба́дàл ‘путь’ [Книга для чтения 1903: 3] < ПМонг. **yabu*- ‘идти’ > бур. *я́баха*, х.-монг. *ява́х*, калм. *йовх*; *якха́н* ‘кость’ [Книга для чтения 1903: 3] < ПМонг. **yasun* ‘кость’ > х.-монг. *яс(ан)*, бур. *я́хан*, калм. *ясн*.

1д. Графема я < ПМонг. *i

В позиции перед ПМонг. **a* второго слога ПМонг. **i* >я: *мя́хà* ‘мясо’ [Книга для чтения 1903: 1] < ПМонг. **mikan* > лит.-бур. *мя́хан*, х.-монг. *ма́х(ан)*, калм. *ма́хн*; *минга́н* ‘тысяча’ [Книга для чтения 1903: 10] < ПМонг. **mūgan* ‘тысяча’, лит.-бур. *мя́нга(н)*, х.-монг. *мя́нга(н)*, калм. *ми́һн*.

Разнобой рефлексации может быть обусловлен разными причинами - например, различием позиций (закрытостью-открытостью первого слога); или же тем, что процесс перелома еще не был закончен. Примеры дублетов есть и в современном литературном языке: ПМонг. **kilbar* ‘лёгкий’, лит.-бур. *хилбар*, *хялбар* (х.-монг. *хялбар*, калм. *килвр*); **hīlūa* ‘мошкара, муха’ *илàгха* [Книга для чтения 1903: 8], бур. *ила́хан* [15, с. 277а]³, *ялаа́ха(н)* [15, с. 798а], *а́луа́ха(н)* [15, с. 46а]. Это указывает на то, что позиции перелома в разных бурятских говорах могут быть разными, а в нормативный словарь попали формы разных говоров.

2а. Графема о < ПМонг. *o

Орохо́ ‘заходить’ [Учение о вере 1877: 7], *ороходò* ‘когда заходит’ (*прич. буд. вр.+суфф. возвр. притяж. -доо*) [Книга для чтения 1903: 116] < ПМонг. **ora-* > лит.-бур. *орохо*, х.-монг. *орох*, калм. *орх*; *болохо́* [Учение о вере 1877: 9], *болгòн*, *болбòл* (*слитн. и*

¹ Здесь и далее ПМонг. формы приводятся по [Nugteren, 2011].

² Примечательно, что в тексте [Учение о вере 1877] нашёл некоторое отражение процесс, который отмечается во многих монголоведных работах — процесс упреждения *a* в первом слоге вплоть до радикального сдвига в отдельных монгольских языках. Как известно, фонема *u* < ПМонг. **i* второго слога в твёрдых словах вызвала упреждение предшествующих гласных *a*, *o*, *y*: ПМонг. **qari-* ‘возвращаться’ > лит.-бур. *ха́риха*, х.-монг. *ха́р’*-, калм. *ха́р*-; ПМонг. **torin* ‘лошадь’ > лит.-бур. *мо́рин*, х.-монг. *мо́р’*, калм. *мо́рн*; ПМонг. **qurim* ‘свадебный пир’ > калм. *хи́р’м*. В [Учении о вере 1877: 7, 9, 11, 13] попадает прилагательное *адли* ‘похожий, подобный’ (в письм. монг. *adali*), которое после упреждения гласного первого слога и его редукции имеет форму *дэли*.

³ Буквы *a* и *b* означают правые и левые колонки в словаре.

условн. *дееприч.*) [Книга для чтения 1903: 12] <ПМонг. **bol-* ‘стать, становиться кем-л., каким-л.’ лит.-бур. *болохо*, х.-монг. *болох*, калм. *bolx*.

2б. Графема *o* < ПМонг. **ï*:

Графема *o* в рассматриваемых книгах также может быть рефлексом ПМонг. **ï* в позиции перелома под влиянием ПМонг. **o*, **oi* второго слога: *шоргдльжин* ‘муравей’ [Книга для чтения 1903: 117] <ПМонг. **širgoljin*> х.-монг. *шоргоолж(ин)*, лит.-бур. *шоргоолжон*, *шоргоолзон*, калм. *шорһлжн*; *шордйгар* ‘землѣй’-Inst. [Книга для чтения 1903: 10] <ПМонг. **široi* ‘земля, пыль’ > лит.-бур. *шорой*, х.-монг. *шорой*, калм. *шора*.

Особый рефлекс представлен в слове ПМонг. **širguan* ‘шесть’, *жсргд* [Книга для чтения 1903: 10] // *жсргд* [Книга для чтения 1903: 19] // *жсргдн* [Книга для чтения 1903: 117]; лит.-бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа(н)*, калм. *зурһан*. Он указывает на наличие спорадического «оканья» в западно-бурятских говорах: в современном тунк. *хотѣго* ‘нож’ (ср. в лит.-бур. *хутага*); *одѣгон* ‘шаманка’ (лит.-бур. *удаган*), булаг. *хошохо* ‘закрывать, запирать’ (лит.-бур. *хушаха*), барг. *горогор* ‘стройный’ (лит.-бур. *гурагар*). Наличие указанных вариантов свидетельствует о неравномерности процесса перелома *i* в разных бурятских говорах и монгольских языках.

3а. Графема *y* < ПМонг. **u*

гхурà ‘спросил’ [Книга для чтения 1903: 17 (3 раза), 20, 21], [Учение о вере 1877: 7] <ПМонг. **sura-* ‘спросить’ > лит.-бур. *хураха*, х.-монг. *сурах*, калм. *сурх*; *суглархада* ‘когда собираетесь’, *суглар-* ‘собираться (вместе)’+*послелог хада* [Учение о вере 1877: 11], *суглудлажи* ‘собирая’ [Книга для чтения 1903: 16] <ПМонг. **šugla-* ‘собирать’> лит.-бур. *суглаха*, х.-монг. *цуглах*, калм. *цуглх*; *уляган* ‘осина’, *улягани* ‘осины’-Gen. [Книга для чтения 1903: 7] <ПМонг. **huliasun* ‘осина’ лит.-бур. *уляһан*, х.-монг. *улиас(ан)*, калм. *уласн*.

3б. Графема *y* < ПМонг. **ï*

Графема *y* в рассматриваемых книгах также может быть рефлексом ПМонг. **ï* в позиции перелома под влиянием ПМонг. **u*, **au*, **ï* второго слога: *шугху* [Учение о вере 1877: 11, 15] <ПМонг. **šisun* ‘кровь’, лит.-бур. *шуһан*, х.-монг. *цус(ан)*, калм. *цусн*.

4а. Графема *j* < ПМонг. **ï*

ундугхэн ‘корень’ [Книга для чтения 1903: 13] <ПМонг. **ündesün* ‘корень’> лит.-бур. *үндэхэн*, х.-монг. *үндэс*, *үндсэн*; калм. *үндсн*; *бурй* ‘очень’ [Книга для чтения 1903: 7] <ПМонг. **büri* ‘каждый, все, очень’ > лит.-бур. *бүри*, бур. барг. *бэри* ‘очень’, ‘совсем не’, качуг. *бэрэ*, бох. *бэрэ* [9, с. 18]; х.-монг. *бүри*, *бүр*; калм. *бүр*.

4б. Графема *j* < ПМонг. **ö*

гхүни ‘ночь, ночью’ [Учение о вере 1877: 19], *гхүни* [Книга для чтения 1903: 8] <ПМонг. **söni* ‘ночь’ > лит.-бур. *һүни*, х.-монг. *сөнө*, калм. *сө*; *үгэгхэн* ‘давший, от *дать*’ [Учение о вере 1877: 7], *үгд* ‘дал’ [Книга для чтения 1903: 11] <ПМонг. **ög-* ‘дать’ > лит.-бур. *үгэхэ*, *үхэ*; тунк. *үхэ*; х.-монг. *өгөх*, *өх*; калм. *өгх*.

4с. Графема *j* < ПМонг. **e*

Этот рефлекс характерен для слов с ПМонг. **ï* во втором слоге: *үргү-* ‘поднимать’ [Учение о вере 1877: 15], *ургульжй* ‘подняв’ [Книга для чтения 1903: 3] <ПМонг. **ergü-* > лит.-бур., *үргэ-*, х.-монг. *өргө-*, калм. *өрг-*; *үлгэнэ* ‘вешает’ [Книга для чтения 1903: 19] <ПМонг. **elgi-* ‘повесить’ > лит.-бур. *үлгэхэ*, х.-монг. *өлгөх*, калм. *өлгх*.

4д. Графема *j* < ПМонг. **ï*

В [Книге для чтения 1903] позиции перед ПМонг. **u* непервого слога ПМонг. **ï*>*ү*: *шүлүн* [Книга для чтения 1903: 10, 11, 19, 117] <ПМонг. **šilaun* ‘камень’ > лит.-бур. *шулуун*, х.-монг. *чулуу(н)*, калм. *чолун*; *шүбүн* [Книга для чтения 1903: 8] <ПМонг. **šibaun* ‘птица’ > лит.-бур. *шубуун*, х.-монг. *шувуу(н)*, калм. *шовун*.

4е. Графема *ю* < ПМонг. **ï*

нюдүн [Книга для чтения 1903: 15, 17, 19] <ПМонг. **nidün* ‘глаза’, лит.-бур., тунк. *нюдэн*, х.-монг. *нүд(эн)*, калм. *нүдн*.

5. Графема *ö* < ПМонг. **ö*

Анализ графической системы текстов показывает низкочастотное использование в обоих текстах гласного *ö*. Обычно он, как и в литературном бурятском, является рефлексом долгого гласного, происходящего из стяжений, т.е. ПМонг. **öe*, ср., например, *бдлөлхө* [Учение о вере: 35] ‘шаманить’, *бднүттэ* [Учение о вере: 91] ‘шаманам’, *бднүди* [Учение о вере: 91] ‘шаманов’, *бд* [Учение о вере: 11, 15, 89] ‘шаман’ < ПМонг. **böe*; *өрө өрйө* ‘друг друга’ [Книга для чтения: 9] < ПМонг. **öere*. Только в [Учении о вере 1877], более раннем из двух памятников, есть несколько случаев, когда *ö* является рефлексом ПМонг. **ö*: *нөгөддөн* ‘другой’ [Учение о вере: 11], *нүгөдэдэ* ‘другому’ [Книга для чтения 1903: 11] < ПМонг. **nögee* ‘другой’, лит.-бур. *нүгөө*, х.-монг. *нөгөө*, калм. *нөгэ; өлөдиш* ‘вдруг проголодался’ [Учение о вере 1877: 83] < ПМонг. **öles*- ‘проголодаться’, лит.-бур. *үлдэхэ*, х.-монг. *өлсөх*, калм. *өлсх*. Но, как было сказано выше, в большинстве слов с ПМонг. **ö*, которые в монгольском языке пишутся с *ө* в первом слоге, в рассматриваемых текстах представлено *ү*: *ургунэбди* ‘делаем жертвоприношения’ [Учение о вере 1877: 11, 15] (монг. *ургух*); *мургул* ‘молебень’ [Там же: 13, 15] (монг. *мургул*). Такой сдвиг в эволюции продолжается и в современном тункинском говоре, что подтверждается инструментальным анализом собранного полевого материала современного тункинского диалекта в программе Praat.

Появление *ү* в первом слоге в большинстве таких случаев исследователи объясняют тем, что древняя фонема ПМонг. **e* в ходе эволюции могла приобрести черты огубленности под влиянием гласного последующего слога (см., например, [9, с. 19], но в рассматриваемых книгах в этих случаях также употребляется *ү*: *үргү* - ‘поднимать’ [Книга для чтения 1903: 3] < ПМонг. **ergü*- ‘поднимать’, ср.-монг. *ergü*- [17, с. 45] > х.-монг. *ургух*, бур. *үргэхэ*, калм. *ургх*; *үлгэ*- ‘повесить’ [Учение о вере 1877: 19] < ПМонг. **elgiü*- ‘повесить’ > ср.-монг. *elgi*- [17, с. 43], письм.-м. *elgiü*- [18, с. 309a], *өлгө*- [18, с. 633b], ордос. *ülgiü*- [19, с. 755b], х.-монг. *өлгөх*, бур. *үлгэхэ*, калм. *өлгх*; *үбүйл* ‘зима’ [Книга для чтения 1903: 13] < ПМонг. **ebül*>*ebülje*- / *öbülje*- ‘проводить зиму’ [8, с. 151, 272] > бур. *үбэл*.

Однако, примеры, в которых представлено сохранение ПМонг. *ö*: *нөгөддөн* ‘другой’ [Учение о вере 1877: 11], *өлөдиш* ‘вдруг проголодался’ [Учение о вере 1877: 83] в более ранней книге, указывают на то, что процесс перехода **ö* > *ү* был еще не завершен в конце XIX века.

6. Графема *э* < ПМонг. **e*

гэтэгхэн ‘кишки’ [Книга для чтения 1903: 15, 116] < ПМонг. **gedesün* ‘кишечник’ лит.-бур. *гэдэһэ(н)*, *гэтэһэ(н)*, х.-монг. *гэдэс*, *гэдсэ(н)*, калм. *гесн*; *хэрэлдэхү* ‘ссориться’ [Книга для чтения 1903: 11(4 раза)] < ПМонг. **kereldü*- ‘ссориться’, лит.-бур. *хэрэлдэхэ*, х.-монг. *хэрэлдэх*, калм. *керлдх*.

7а. Графема *и* < ПМонг. **i*

К важным признакам, отличающим диалект первых книг от литературного бурятского языка, безусловно, должно быть отнесено достаточно последовательное употребление *и* в первом и последующих слогах, соответствующее х.-монг. *и* < ПМонг. **i*, иногда в обоих текстах оно чередуется с *э*: *нигэ* ‘один’ [Учение о вере 1877: 9] / *нэгэнин* [Учение о вере 1877: 11; Книга для чтения 1903: 9,13,14,15]; *иде*- ‘есть, кушать’ [Учение о вере 1877: 13; Книга для чтения 1903: 8, 12, 13, 15, 17] / *эди*- [Книга для чтения 1903: 8]; При этом можно отметить, что в более ранней книге [Учение о вере 1877] *э* зафиксировано в такой позиции только один раз¹: *нэгэнин* ‘один’ [Учение о вере 1877: 11], а в [Книге для чтения 1903] такие употребления уже частотны.

¹ В [Учении о вере 1877] *е* достаточно последовательно используется в соответствии с лит. бур. *е*- в начале слова: *ирэ*- ‘прийти’ [Книга для чтения 1903: 6, 9, 14, 15, 16] / *ерэ*- [Учение о вере 1877: 11, 13, 19] лит.-бур. *ерэхэ*; *ихэ* ‘большой’ [Книга для чтения 1903: 13, 14] / *ехэ* [Учение о вере 1877: 15, 19] лит. бур. *ехэ*.

итигэхэ ‘верить’ [Учение о вере 1877: 7, 11] < ПМонг. *itege-‘верить’, лит.-бур. *этигэхэ*, х.-монг. *итгэх*, калм. *иткх*; *шинэ* ‘новый’ [Книга для чтения 1903: 7] < ПМонг. *sine ‘новый’, лит.-бур. *шэнэ*, х.-монг. *шинэ*, калм. *шин*; *ирэхэ* ‘прийти’ [Книга для чтения 1903: 6, 9, 14, 15, 16] / *ерэ*- [Учение о вере 1877: 11, 13, 19] < ПМонг. *ire-‘прийти’, лит.-бур. *ерэхэ*, х.-монг. *ирэх*, калм. *ирх*; *шурэ* [Книга для чтения 1903: 11] < ПМонг. *siree ‘стол’, лит.-бур. *шэрээ*, х.-монг. *širee(n)*, калм. *širä*.

7b. Графема *и* < ПМонг. **ī*

ПМонг. **čī* ‘ты’ > *и* [Учение о вере 1877: 19; Книга для чтения 1903: 11, 20], лит.-бур. *и*, х.-монг. *чи*, калм. *чи*; ПМонг. **bīsī* отр. част. ‘не’ > *биш* ‘не’ [Книга для чтения 1903: 117], лит.-бур. *бэшэ*, х.-монг. *биш*, калм. *биш*; ПМонг. **hīlūa* ‘мошкара, муха’ > *илдгха* [Книга для чтения 1903: 8], лит.-бур. *yalaaha(n)*, *alyaaha(n)*, х.-монг. *yalaa(n)*, калм. *ilāsn*.

Интересно, что в этом отношении современный тункинский диалект по нашим полевым данным отличается от материала памятника. Фонетический анализ современных записей в программе Praat показал, что рефлексы ПМонг. **e* и **i* по формантам практически не различаются, формантные облака рефлексов ПМонг. **i*—F1 270—500, F2 1370—2400; ПМонг. **e*— F1 300—530, F2 1570—2000 почти полностью пересекаются. А в языке рассмотренных книг процесс перехода ПМонг. **i* > *э*, вероятно, только начинался, для всех слов с такой рефлексацией представлены дублиеты с *и*.

8. Выводы

Таким образом, рассмотренный текст отражает особенности тункинского говора XIX в. (шире – «языка хонгодоров, издавна занимавшего промежуточное положение между западными и восточными бурятскими диалектами» [10, с. 159]. Хонгодоры – тункинские, окинские, закаменские буряты, имеющие очень близкие говоры, переселились из Предбайкалья в места нынешнего проживания в Забайкалье в XVIII веке). В силу такого «промежуточного» положения текст «Книги для чтения» отражает результаты общебурятских языковых процессов – развитие общемонгольского -s, который в калмыцком и халха-монгольском языках сохранился, спирантизацию аффрикат, смычных, перелом **i* и остаточные явления, упреждение гласных под влиянием *i*, редукцию гласных. Из монголоведной литературы известно, что процесс развития сибиланта -s в фарингальный *h*, начавшийся примерно в XVII веке, в XIX веке был в основном завершён [2, с. 47]. Материалы, которые представляют нам рассмотренные «Книга для чтения» и «Учение о вере», подтверждают это предположение: случаи сохранения сибиланта -s в текстах крайне редки. Кроме того, в описываемых текстах запечатлен тот разнобой, которым процесс перехода *s* > *h* сопровождался (употребление вместо фарингального *h* его аллофонов сплошь и рядом наблюдается в материалах XVIII – XIX вв. наряду с ещё сохранившимся исконным общемонгольским -s – см., например, [2, с. 44 – 45].

Системы кратких гласных первого слога в [Учении о вере 1877] и [Книге для чтения 1903] различаются в вопросе частичного сохранения ПМонг. **ö*: в первой из них, созданной в 1877 году, лексемы с *ö* в первом слоге встречаются, во второй книге, изданной в 1903 году, такие рефлексации уже не зафиксированы. Это позволяет нам датировать процесс перехода ПМонг. **ö* > *ү* в западно-бурятских диалектах концом XIX века. Еще одно существенное различие уже обеих книг от литературного бурятского языка наблюдается при рефлексации слов с ПМонг. **i*, **ī* в первом слоге не в позиции «перелома». В первых книгах они имеют стандартную рефлексацию с сохранением *и*. При этом можно отметить, что в более ранней книге [Учение о вере 1877] дублиеты при отражении ПМонг. **ī* встречаются крайне редко: *э* зафиксировано в такой позиции только один раз: *нэгэнин* ‘один’ [Учение о вере 1877: 11], а в [Книге для чтения 1903] такие употребления уже весьма частотны. В литературном бурятском языке ПМонг. **i*, **ī* во многих случаях переходят в *e*, а в современном тункинском диалекте ПМонг. **i*, **ī* не в позиции перелома полностью совпадают с ПМонг. **e*. На основании этих данных можно предположить, что процесс перехода ПМонг. **i*, **ī* > лит.-бур. *e* является весьма поздним, только начавшим-

ся в конце XIX века, а остальные изменения кратких гласных первого слога, произошедшие в литературном языке, «переломы» **i-ii*, **e-ii*, **i-a / o / u* были достаточно ранними и к концу XIX века уже завершились.

Таким образом, первые книги на бурятском языке, точно отражая диалектные особенности языка своего времени, являются ценным источником для установления хронологии фонетических переходов в истории бурятского языка.

Литература

1. Абашеев Д. А. Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып.1. С. 3–32.
2. Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978.
3. Дарбеева А. А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта (на материале монгольских языков). М., 1978.
4. Книга для чтения в бурятских школах с приложением бурятско-русского и русско-бурятского словаря. Казань, 1903.
5. Матхеев Б. В. О фонетической дифференциации бурятских диалектов Предбайкалья // Вопросы филологии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 37. С. 52–59.
6. Матхеев Б. В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968. С. 3–45.
7. Митрошкина А. Г. Говор качугских (верхоленских) бурят // Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968. С. 47–71.
8. Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат-ал-Адаб. Ч.1, 2. Вып.14. М.; Л., 1938.
9. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
10. Рассадин В. И. Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1999.
11. Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: опыт исследования, тексты и примечания. М., 1913. Вып.1.
12. Учение о святой христианской вере, изложенное в беседах с бурятами, с переводом на наречие северо-байкальских бурят. Изд-е Православного миссионерского общества. Казань, 1877.
13. Хомонов М. П. Боханский говор // Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып.1. С. 35–70.
14. Цыдендамбаев Ц. Б. К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С. 164–175.
15. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.
16. Шагдаров Л. Д. О некоторых языковых особенностях тугнуйских и агинских бурят и степени их отражения в литературном бурятском языке // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып.2.
17. Haenisch E. Wörterbuch zu Mangholun Niuca Tobca'an (Yüan-ch'aoPi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1939.
18. Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Bloomington, 1995.
19. Mostaert A. Dictionnaire ordos I-III. Peking, 1941–1944.
20. Nugteren H. Mongolic Phonologi and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011.

VOWELS OF THE FIRST SYLLABLE AND CONSONANTS
IN THE FIRST CYRILLIC MONUMENTS IN THE BURYAT LANGUAGE

Polina P. Dambueva

Leading Researcher

Institute of Linguistics RAS

1 page, 1 Building, 1 Kislovskiy pereulok, Moscow, 125009, Russia

E-mail: polina-dambueva@mail.ru

The article is devoted to the description of two written language memorials in the Buryat language, written in Cyrillic in the late 19th and early 20th centuries: identifying the dialect affiliation of texts, describing consonants and short vowels in the text in comparison with graphemes in Pragmolgian forms with the use of field data on the modern Tunkin dialect of the Buryat language. The annotated paper details the combinatorial and positional processes in the dialects of the Buryat language that took place at the stage under consideration, the reasons for their appearance, the evolution of the Buryat vowels and consonants in the aspect of the distribution of sounds in the structure of the word is specified.

The article will consider the language material of the two Cyrillic texts "Teaching about the holy Christian faith. In the dialect of the North Baikal Buryats "(1877) and" The Book for Reading in the Buryat School "(1903), published at the turn of the XIX-XX centuries.

Ключевые слова: the Buryat language; Tunkinsky dialect; short vowels; graphemes of the first syllable; reflexes of the Pramongol language; phonetic analysis.